

Мильтиадесу пришлось пойти в отступление, стоило ему увидеть глаза Амелии, полные слез.

— Ты такой грубый! — кричала она.

— Да, я грубый...

— Нет, не правда! — Она быстро переименовала свои слова:

— То есть ты злой, но ты не злой! — И с этой поразительной логикой она снова начала плакать. Мильтиадес посмотрел на нее.

Ее глаза и нос покраснели от слез. «Я видел ее в таком состоянии лишь однажды».

Это случилось по дороге в Рахель из империи Виос: она закатила истерику, потому что не хотела ехать в карете одна. Мильтиадес помнил, как ее успокоить:

— Я сделаю все, что ты захочешь, так что перестань плакать.

Как по команде, Амелия тут же перестала плакать и выжидающе посмотрела на него.

— Правда?

Мильтиадес кивнул, и она засияла. «Что за высокомерная малявка». Он знал, что она игралась с ним, поэтому совсем не злился на нее.

— Так чего же ты хочешь, дочь моя?

— Я думаю, мне нужно основать свой собственный благородный род.

«Свой род?» Глядя в ее сверкающие красные глаза, Мильтиадес растерялся.

— Как лучше?

Он думал, что Амелия сейчас снова начнет нести какую-то белиберду, но она казалась крайне серьезной.

— Поскольку это я тебя усыновила, то это тебе придется поменять свою фамилию, договорились? Давай выберем что-то только для нас двоих!

— Ты отказываешься от «Рахель»? — спросил он. Амелия подперла рукой подбородок. Мильтиадес чуть не рассмеялся, увидев столь задумчивое выражение лица.

— Хм... нет! Можешь спокойно пользоваться им, в ситуациях, когда оно послужит доказательством того, что ты принадлежишь мне, — наконец ответила она. Мильтиадес разразился смехом. Не многие люди так легкомысленно относятся к имени Рахель. Амелия уставилась на него, не понимая, почему он смеется.

— Фамилия... — пробормотал Мильтиадес себе под нос. Он усмехнулся:

— Хорошо, раз ты так этого хочешь.

— Как насчет «Хан»? — промурлыкала она.

— Хан?

Эту фамилию она носила до перерождения. Амелия посмотрела на Мильтиадеса щенячьими глазками.

— Рахель Хан. — Мильтиадес глядел куда-то вдаль. Амелия нашла на столе чистый лист бумаги и протянула ему. Передав ему перо, она жестом подгоняла его записать имя.

«Амелия Присцилла Лакс Виос Рахель Хан».

«Мильтиадес Рекшай Рошель Рахель Хан».

Глаза Амелии загорелись при виде их имен, написанных его элегантным почерком. «Как мило». Прежде он не знал, каково это — наблюдать за любимым ребенком.

— Прочти их вслух! — приказала она. Он не понимал, зачем ему это делать, но подчинился. В том, чтобы дать кому-то имя, был особенный смысл: от того имя становилось уникальным.

Он почувствовал себя связанным нитью, которую уже никак не разорвать. Он оказался под властью маленькой девочки, едва достававшей ему до пояса. Он с легкостью мог покинуть ее в любой момент, но Мильтиадес слишком обожал ее улыбку.

Амелия прыгала от восторга. Она указала на Мильтиадеса.

— Ты — Рахель Хан!

А затем на себя.

— И я — Рахель Хан!

Она засияла.

— Мы оба — Рахель Хан!

Мильтиадес обнял ее. Прижавшись к его щеке, она сказала:

— Только мы вдвоем носим эту фамилию. Ты счастлив?

— ...Конечно, — ответил он. Хотя на самом деле ему было все равно. Единственная причина, по которой эти незначительные вещи казались ему особенными, заключалась в... этой маленькой девочке. Он улыбнулся Амалии и легонько ущипнул ее за щеку. Славное чувство.

* * *

После опроса атмосфера среди выживших несколько изменилась. Раньше они до ужаса боялись, что их всех просто перебьют.

— Значит, мы можем попросить все, что нам нужно? — бормотали они между собой. Они думали, что за это их заставят работать в скотских условиях.

— Вы можете просить только один раз в день, — таков был ответ на вопрос. Деньги зарабатывать они не могли, однако вполне могли жить без нужды, оставаясь в этом районе. Все были потрясены таким актом благожелательности.

— Это потому, что она святая?..

— Она заботится о нас.

— О, господь всемогущий!

Из-за последнего инцидента, рыцарей осталось меньше половины, так что выжившие не чувствовали такого давления, как прежде. Поначалу люди просили еды, спального места детям и одежды по размеру.

Но затем нашлись и те, кто нарушил порядок: один человек решил попросить алкоголь на праздник. А потом снова попросил его на следующий день. Люди не понимали, дозволено ли так поступать, ведь святая не уделяла этому инциденту внимания. Более того, все больше людей стали напиваться.

<http://tl.rulate.ru/book/40436/2860746>